

неизверившихся людей» (Шуйская тетрадь. С. 124).

В 1990-е В. участвовал в подготовке лит. передач для радио «Свобода». Писал также публицистику и прозу. Основными темами этих выступлений были: судьба России и ее народа на историческом перепутье, положение в совр. армии, взаимоотношения между бывшими союзниками по социалистическому блоку.

Стихи и публицистика В. переводились на немецкий, болгарский, польский яз. Мн. из стихов В. стали песнями, музыку к которым пишет сам автор и исполняет их под гитару. Песни В. в авторском исполнении записаны на нескольких грампластинках, а также легли в основу музыкального фильма **«Офицерский романс»** (ЦТ, 1991).

В.— один из организаторов, начальник (1989–94) и редактор (с 2000) Военно-худож. студии писателей при Министерстве обороны. Член бюро поэзии Московской городской писательской организации, секретарь правления СП России. Лауреат премий им. А. Твардовского (1996), А. Платонова (1998), премий «Традиция» (1995) и ж. «Московский вестник» (2002). Живет в Москве.

Соч.: Традиция. М., 1975; Сердца и звезды. М., 1978; Инженерный батальон. М., 1979; Песня Вероники. М., 1988; Пылает город Кандагар. М., 1990; Афганский дневник. М., 1991; Прости за разлуку. М., 1991; Ради твоей неизвестной любви. М., 1993; Война и любовь. М., 1996; Русские времена. М., 1999; Шуйская тетрадь. Шуя, 2001; Бродил и я в стихиях мира. М., 2001.

Лит.: Панкеев И. Я старше почти на века... // Лит. Россия. 1990. 14 сент. № 37. С. 18; Апасов А. Нам опять уходить в наше русское море... // Бежин луг. 1995. № 3. С. 43–44; Огрызко В. Война и любовь // Лит. Россия. 1995. 29 сент.; Огрызко В. Жизнь трагична по определенью // Лит. Россия. 1996. 14 июня; Баранова-Гонченко Л. О поэте Викторе Верстакове // Романгаз. XXI век. 1999. № 7; Бочкарев В. Вместо послесл. // Верстаков В. Шуйская тетрадь. Шуя, 2001; Шатулин С. Признание профессионалов // Московский литератор. 2002. № 2; Казначеев С. Военно-полевой романс // Труд. 2002. 3 июля; Баранова-Гонченко Л. Поймите лишь, каких носители вы сил... // Любимые дети Державы. М., 2002.

С. М. Казначеев

ВЕРТИНСКИЙ Александр Николаевич [9(21).3.1889, Киев — 21.5.1957, Ленинград; похоронен в Москве] — поэт, прозаик, артист эстрады и кино, композитор.

Родился в семье адвоката, много и безвозмездно защищавшего бедных людей.

Мать умерла, когда В. не было 4 лет. Вскоре умер отец. В. жил в семье тетки, сестры матери, женщины из дворянского сословия, капризной и деспотичной. Основы гуманистического и патриотического сознания В. сложились в гимназические годы под мощным воздействием живописи В. М. Васнецова и М. В. Нестерова (росписи в киевском Владимирском соборе). Иконы утешали своей любовью к человеку, образы святых учили находить в глубине жизни «источники душевной чистоты русского народа» (Дорогой длиною... С. 18).

В юности к В. пришло увлечение искусством модернизма, в частности французских постимпрессионистов, а лит. авторитетами стали М. А. Кузмин, К. Д. Бальмонт и О. Уайльд. В жизни В. стал играть «в Дориана Грея», а в искусстве следовал мысли Уайльда о том, что классиков надо «проштудировать и... немедленно забыть» (Дорогой длиною... С. 81). Первый рассказ В. **«Моя невеста»** (ж. «Киевская неделя», 1912) был выдержан в декадентской манере. Тогда же В. проявил интерес к футуризму и к В. В. Маяковскому, к антибуржуазному пафосу его стихов. Этим пафосом отмечено поэтическое творчество В. 1912–15 — шуточные стихи и пародии на злобу дня (например, **«Танго — танец богов»**). Вещизму, душевному равнодушию и фальши В. противопоставил призыв «жить мечтою чудною» (Бальмонт) и сочувствие к страданиям человека. Первые стихи (**«Ми-**

А. Н. Вертинский

нуточка» и др.) были опубликованы в Петербурге в 1916 вместе с нотами как «оригинальные песенки А. Н. Вертинского» (их исполнителем В. выступил в 1915).

Лирический герой поэзии В. 1910-х — это прежде всего утешитель «распятых» — одиноких и несчастных жертв большого города (или, напротив, уездного «сонного города») и человеческой черствости. Он верит в силу любви («**Бал господень**»). Он понимает страдания других, потому что страдает сам («**Я сегодня смеюсь над собой...**», «**Аллилуйя**», «**Девочка с капризами**»). Жизнь обходится с ним жестоко, но он не ожесточается («**Сероглазочка**»). В. обобщал личный опыт — тетка выгнала его из дома на улицу, он увлекся кокаином, преодолел порок силой воли. Победа над злом в себе самом укрепила иррациональную веру в то, что на стороне человека — «Добрый и ласковый Боженька» («**Безноженька**»).

В. использовал поэтику А. А. Блока и А. Белого, например цветовую символику («сон золотой», «синий рай», «лиловая песня»). Но у В. символы стали элементарными знаками романтической мечты, придавали его стихам загадочный колорит. Простота знака вместе с неперменным сюжетом обеспечили доступность его стихов широкой публике, а безошибочное чувство меры и гуманизм позиции спасали от вульгарной подражательности и ненавистной В. красоты — неотъемлемых черт массовой культуры начала XX в.

Большой удачей стало стих. «**То, что я должен сказать**» (1917, окт.). В нем органично сплелись презрение к обывателям «в шубах» и мечта о «недоступной весне», сострадание к жертвам и осуждение «беспощадной» жестокости. «Боясь своего лица» (Дорогой длинною... С. 95), В. скрывал его на эстраде за очень условным гримом. В 1919, исполняя «То, что я должен сказать», В. понял, что маска больше не нужна: мысли и переживания поэта стали самостоятельной ценностью. Но в 1920 еще редко кто из критиков видел, что В. «способен задеть струны пронзительной жалости и печали» (Святополк-Мирский Д. Поэты и Россия. Статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи. СПб., 2002. С. 40).

Следующий период творчества, почти четверть века, — годы эмиграции. В Турцию В. отправился в 1920 на том же пароходе, что и главнокомандующий русской армии П. Н. Врангель (Дорогой длинною... С. 122). В поисках своей публики В. побывал в Румынии, Польше, Германии, с 1925 по 1933 жил в Париже, видел много горя, прежде всего среди русских на чужбине.

В начале 1920-х В. занял патриотическую позицию — он присоединился к той части эмиграции, которая считала, что «Россия будет построена миром, а не войной» (Лукаш И. С. Голое поле. Книга о Галлиполи. 1919–21. София, 1922. С. 5). В 1922 В. подал первое прошение о возвращении на родину. Вероятно, он был знаком не только с книгой Лукаша, но и с соч. Н. В. Устрялова, идеолога сменовеховства. В начале 1930-х симпатии В. вызывало движение младороссов. Его возглавили молодые аристократы. Они признали укорененность революции «в нашем прошлом», хотели защищать интересы России в Европе и способствовать тому, чтобы жизнь на родине «шла национальным путем, свойственным нашему духу, нашей культуре» (Дорогой длинною... С. 192).

Вместе с тем советские газ. В. «читать было скучно». Он чувствовал «отчужденность» от московских писателей, посещавших Париж и критиковавших «гнилой Запад» (Дорогой длинною... С. 202, 207). И это понятно, если учесть, что В. М. Инбер называла В. «нахлебником парижских кабаков» (1932), а Л. О. Утесов утверждал, что В. любят люди «с извращенным вкусом» (Утесов Л. Записки актера. М.; Л., 1939. С. 67). В. интересовали др. поэты — Г. В. Иванов и К. Д. Бальмонт, В. Ф. Ходасевич и М. И. Цветаева. «Святая бесцельность» искусства оставалась его эстетическим идеалом. Кроме того, В. считал себя «парижанином» в том смысле, как об этом писал близкий ему поэт Б. Ю. Поплавский, — человеком с искренним уважением «к личной жизни с большой буквы», «к своему личному неповторимому опыту» (Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. Париж. 1934. № 10. С. 204, 209). Пафос защиты личности и любви к родине определяет лицо поэзии В. 1920–30-х.

В. бичевал «хамоватых», которые «ломают» человека, «топчут каблуками сирень» («**Концерт Сарасате**»), сочувствовал «бесконечно уставшим» — «актрисе с утомленным лицом» («**Сумасшедший шарманщик**»), «мальчику при буфете» («**Джимми**»), артисту «в дешевом электрическом раю», его «слезам боли и стыда» («**Желтый ангел**»), прозревал «грозу», которая ждет «покорителей мира, купцов и ловцов барыша» («**Китай**»). Уважение к личному достоинству женщины характеризует любовную лирику В. искал в совр. женщине «строгость иконную» «Богородицы волжских скитов» («**Джиоконда**») и сострадал судьбе бывших русских гимназисток, которые вынуждены быть «в кабаках пятый год / С иностран-

цами целые ночи...» («Дансинг-герл»). Утешая, В. по-прежнему звал в «голубые края» («Любовнице») и навевал «сон голубой» («Мадам, уже падают листья»).

Но теперь «голубые края» нередко обрели черты его родины: «Рождество в стране моей родной, / Синий праздник с дальнею звездой, / Где на паперти церквей в метели / Вихри стелют ангелам постели» («Рождество»). Первой удачей в жанре патриотической лирики стало стих. «В степи молдаванской» (1925): «О, как сладко, как больно сквозь слезы / Хоть взглянуть на родную страну». Эти строки запечатали чувства сотен тысяч русских эмигрантов. Стих. «О нас и о родине», написанное в США в мае 1935, созвучно произведениям М. Цветаевой «Стихи к сыну» и «Тоска по родине». В. призывал «чувство русское тоски» нести не в «чужие страны», а в Россию, которая «и простит и поймет». В заключительных строках сформулированы мысли, родственные идеям младороссов: «И пора уже сознаться, / Что напрасен дальний путь... / И еще понять беззлобно, / Что свою, пусть злую, мать / Все же как-то неудобно / Вечно в обществе ругать».

С 1935 по 1943 В. жил в Китае, где в лице сверстника поэта А. И. Несмелова встретил во многом единомышленника («дело мое — Россия»). Духовной опорой стали соч. Вс. Н. Иванова, философа и поэта, автора книги «Огни в тумане. Думы о русском опыте» (Харбин, 1932). В. считал его одним из своих «умнейших и культурнейших критиков» (Дорогой длиною... С. 165). В 1937 В. собирался «приехатьпеть на Родину» по «просьбе Комсомола»: «дети моей Родины позвали меня к себе!» (Дорогой длиною... 2-е изд. С. 456). С началом Великой Отечественной войны усилилось стремление помогать родине. В. был готов «винтовку взять» («Иная песня»). 7 марта 1943 он обратился к В. М. Молотову и в том же году переехал на жительство в Москву.

Последние 14 лет В. посвятил выступлению на эстраде (сотни концертов в год) и в худож. кино. Семейное счастье внесло в стихи В. интонации удиротворения, светлой грусти и бодрости («Доченьки», «Жене Лиле»). В 1949 он попытался воспеть (получилось риторично) «наших женщин» — «воинов науки и труда». В основном В. остался верен своей духовной программе. Он не скрывал симпатий к Д. Д. Шостаковичу и художникам, объявленным формалистами. Газ. и ж. о В. не писали, его стихи не появлялись в печати. Власть предпринимала попытки подчинить творчество В. политическим нормам (см.: Источник.

1995. № 1. С. 64), не считаясь с личным человеческим опытом В. Поэт остро сознавал свое духовное одиночество: «Дрожу в просторах Родины моей»; «Гибнут песни, не достигнув цели» («Отчизна»). В 1956 он прямо заявил: «не верю в человечность» правителей. «Доколе они будут измываться над нашей Родиной?» — спрашивал В., оскорбленный в своих патриотических чувствах (Дорогой длиною... С. 411, 506). Лит. достижениями этих лет стали воспоминания, начатые в Шанхае, и эпистолярная проза (письма к жене). В мемуарах искренне, живо и ярко В. рассказал о своей судьбе и людях эпохи 1910–30-х. Но завершить мемуары не удалось. Во время ленинградских гастролей в номере гостиницы «Астория» «начался сильнейший сердечный припадок. Под рукой не оказалось нитроглицерина, и все было кончено в несколько минут. На следующий день <...> встречали в Московском театре эстрады, на площади Маяковского, оцинкованный гроб, прибывший в Москву на самолете» (Филиппов Б. М.— С. 336). Похороны В. состоялись на Новодевичьем кладбище.

Соч.: Песни и стихи. 1916–37. Харбин, 1937; Песни и стихи. 1916–37. Париж, 1938; Четверть века без Родины // В краях чужих. М.; Берлин, 1962. С. 197–309; Дорогой длиною... [Воспоминания, стихи и песни, рассказы, зарисовки, размышления, письма] / предисл. Ю. Томашевского. М., 1991; За кулисами: сб. / вступ. статья Ю. Томашевского. М., 1991; Песни [Ариетки Пьеро]. Пермь, 1995; Дорогой длиною... 2-е изд. / сост. и подгот. текста Л. Вертинской. М., 2004.

Лит.: Филиппов Б. М. Записки «домового». М., 1978. С. 333–336; Савченко Б. А. Александр Вертинский. М., 1989; Два Вертинских // Московский ж. 1991. № 6. С. 15–17; Мелихов Г. «Родная свеча на чужих берегах»; Гастроли Вертинского в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 6. С. 89–97; Бабенко В. Г. Арлекин и Пьеро. Николай Евреинов и Александр Вертинский: Материалы к биографии. Размышления. Екатеринбург, 1992; Макаров А. С. Александр Вертинский. Портрет на фоне времени. М.; Смоленск, 1998.

В. В. Перхин

ВЕРХОВСКИЙ Юрий Никандрович [23.5 (4.6).1878, с. Гришиново Смоленской губ.— 23.9.1956, Москва] — поэт, переводчик, историк лит-ры.

Родился в семье присяжного поверенного. Обучался сначала в смоленской классической гимназии, затем в 4-й (Ларинской) гимназии С.-Петербурга. В 1902 окончил романо-германское отделение историко-филол. ф-та Петербургского ун-та, где занимался